

DOI 10.18522/2415-8852-2021-1-150-161

УДК 821.112.2(436)

НОВЫЕ КНИГИ О ТОМАСЕ БЕРНХАРДЕ

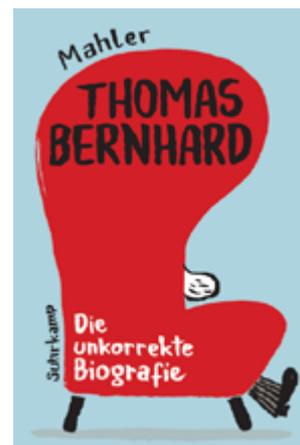
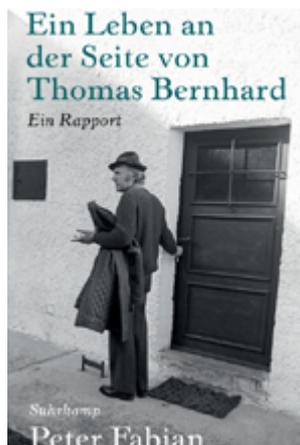
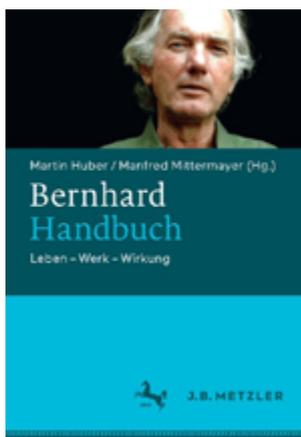
Вера Владимировна Котелевская

кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: vvkotelevskaya@sfedu.ru

Аннотация. Рецензируются три книги, посвященные австрийскому писателю Томасу Бернхарду (1931–1989), лауреату премии им. Г. Бюхнера, премии Медичи и десятка других, одному из самых провокационных «классиков» прошлого столетия. В 2021 г. празднуется его 90-летний юбилей. В центре внимания – три разные по жанру, ценностному регистру и медиальной форме биографии писателя на немецком языке. Это энциклопедический справочник “Bernhard Handbuch: Leben, Werk und Wirkung” (2018), воспоминания его сводного брата (врача), наследника П. Фабиана “Ein Leben an der Seite von Thomas Bernhard. Ein Rapport” (2021) и графический роман-биография австрийского комиксиста Н. Малера “Thomas Bernhard. Die unkorrekte Biografie” (2021). Данные книги, начиная со справочника, систематизировавшего результаты многолетних исследований творчества писателя, и заканчивая комиксом, предлагающим биографию-шарж литературного «святого», подтверждают факт канонизации enfant terrible немецкоязычной литературы и свидетельствуют о включении поэтики Бернхарда в систему мирового литературного процесса, включая пространство массовой литературы.

Ключевые слова: немецкоязычная литература, австрийская литература XX в., биография писателя, мемуары, комикс, Томас Бернхард, Петер Фабиан, Николас Малер.

В 2021 г. исполняется 90 лет со дня рождения одного из самых эксцентричных классиков прошлого столетия – австрийского писателя Томаса Бернхарда, которого причисляют к модернистам (реже – постмодернистам). Сегодня не вызывает сомнения, что проза и драматургия Бернхарда по степени оригинальности, языкового новаторства и полемической остроты сопоставимы с такими явлениями, как экспрессионистская литература, театр абсурда или французский «новый роман», а его картина мира отображает – в гротескных, порой карикатурных чертах – катастрофизм сознания XX в. Прижизненная судьба его произведений связана как с Австрией, так и с Германией: его пьесы ставили в театрах Гамбурга и Штутгарта, Зальцбурга и Вены, а книги печатали австрийские («Отто Мюллер», «Резиденц») и немецкие издательства («Инзель», «Зуркамп»). Однако самая долгая, полная драматичных столкновений «любовь» связывала писателя с крупнейшим издательством Германии «Зуркамп» (более чем 30-летняя переписка с ее директором Зигфридом Унзельдом составила увесистый том). Именно в «Зуркампе» вышло полное собрание сочинений Бернхарда (22 тома, 2003–2015 [Bernhard]). Хорошей новостью к юбилею писателя стало также завершение в 2018 г. проекта Австрийской академии наук по оцифровке

его наследия, осуществленной с разрешения наследника, сводного брата писателя, Петера Фабиана и при поддержке издательства «Зуркамп» (опись включает 135 000 единиц хранения). Библиография о Бернхарде содержит сегодня тысячи наименований, включая исследования на немецком, английском, французском, итальянском, испанском, польском, русском и других языках.

В данном обзоре мы коснемся трех изданий, которые в разных жанровых, ценностных регистрах освещают биографию и творчество Томаса Бернхарда: *академическом* (справочник в авторитетной научной серии, выпускаемой издательством «Метцлер», “Bernhard Handbuch: Leben, Werk und Wirkung” (2018) [Huber, Mittermayer]), *мемуарно-биографическом* («отчет» П. Фабиана о жизни своей и сводного брата, “Ein Leben an der Seite von Thomas Bernhard. Ein Rapport” (2021) [Fabjan]) и *поп-культурном* (пародийная агиография от талантливого австрийского графика Николаса Малера “Thomas Bernhard: Die unkorrekte Biografie” (2021) [Mahler]).

Справочник “**Bernhard Handbuch: Leben, Werk und Wirkung**” (2018) («Бернхард: Жизнь, творчество и влияние») примыкает к научной серии, выпускаемой издательством «Метцлер»¹, благодаря которой сформирована новейшая энциклопедическая история

¹ «Метцлер» теперь входит в издательский дом «Шпрингер».

немецкоязычной литературы от классики до современности¹.

Творчество Бернхарда освещено на полутысяче плотно, в две колонки сверстанных страниц с полагающимся в энциклопедическом издании добротным приложением: в него включен традиционный обзор ключевых дат (публикаций, театральных премьер, премий, путешествий и т. п.), отдельный перечень премьер спектаклей по пьесам автора, список изданных произведений с выходными данными, избранная библиография о Бернхарде (на немецком, английском, французском), включая всевозможные медиаадаптации (фильмы, DVD-диски, комиксы).

Открывается книга очерком М. Миттермайера (“Leben”) – автора одной из основательных биографий писателя [Mittermayer], куратора издательских и образовательных проектов, посвященных Бернхарду в Австрии и Германии. В протокольной манере Миттермайер сообщает о важных для исследователей и «обыкновенных читателей» фактах, определивших психологический портрет и писательский почерк Бернхарда: о сбывшем отце, табуированности его фигуры в новой семье (мать вскоре вышла замуж за Эмиля Фабиана), энурезе у Бернхарда-ре-

бенка и первой попытке суицида (в 13 лет), о неудачах в вокальном искусстве и в первых писательских опытах, о первом триумфе (роман «Стужа» стал большим литературным событием в 1963 г.) и т. д., и о том, что похоронен Бернхард на Гринцингском кладбище в Вене рядом с могилами Хедвиг Ставяничек и ее мужа. Овдовевшая Хедвиг Ставяничек была единственным по-настоящему близким человеком (“Lebensmensch”) и возлюбленной Бернхарда на протяжении жизни², несмотря на разницу в возрасте (она была старше Бернхарда на 36 лет); ей посвятил он немало женских образов, иногда полных горечи и сарказма (как жена Конрада в «Известковом заводе» или сестра Рудольфа в «Бетоне»), иногда – глубочайшей любви и преданности (как в «Старых мастерах», написанном после смерти подруги). Скупой факт о месте захоронения в конце биографического очерка говорит о многом, но в первую очередь о том, что писатель так и не создал собственной семьи, сохранял дистанцию даже по отношению к самому дорогому ему человеку.

О композиции книги. Четыре основных раздела – «Жизнь», «Произведения», «Контексты и дискурсы», «Рецепция и влияние» – создают объемную структурированную картину.

¹ См. перечень изданий на сайте издательства: <https://www.metzlerverlag.de/metzler-personen-handbuecher/>.

² При посторонних, в том числе изредка интервьюировавших его журналистах, он называл ее «тетей» (“meine Tante”).

Раздел «Произведения» построен отчасти по хронологическому принципу (есть отдельная рубрика о раннем творчестве, которое составили лирика, публицистика, рассказы, либретто, и о текстах, опубликованных посмертно), но в основном – по жанровому принципу (рубрики «Романы», «Рассказы», «Сборники рассказов», «Пьесы» и т. д.). Емкие главки об отдельных произведениях в хронологическом порядке, составляющие каждую рубрику, позволяют проследить генезис, контекст, историю литературно-критической рецепции, поэтику каждого из них (для исследователей особый интерес представляют, пожалуй, даже не крупные знаменитые произведения, о которых написаны монографии и статьи, а те, что и сам автор, и его критики нередко ставили на второе и третье место, но которые тем не менее позволяют выстроить общее здание творчества Бернхарда во всей сложности и прихотливости сквозных мотивов, образов, приемов).

Бесспорную ценность представляет раздел о «контекстах и дискурсах» [Huber, Mittermayer: 296–469]: здесь представлены не только уже очевидные для поклонников и исследователей Бернхарда темы религии, национал-социализма, болезни или музыки, но и более специфичные темы «недвижимости» и связи письма с освоением чужих географических пространств (“Häuser, Reisen, Schreiben” [Huber, Mittermayer: 346–352]), еврейства [Huber, Mittermayer: 427–432]

и, конечно, анализ стилевой манеры (обстоятельно разбираются особенности письма в повествовательных жанрах и драматургии, более пристально рассматриваются модусы иронии, гиперболизации, языковая прагматика, особенности интертекстуального диалога [Huber, Mittermayer: 437–469]).

Заключительный раздел отличается наибольшей новизной: творчество австрийского модерниста рассмотрено в тесной связи с литературным и художественным процессом последних десятилетий, при этом учтен опыт перевода [Huber, Mittermayer: 478–511] и адаптации Бернхарда [Huber, Mittermayer: 512–522] в разных национальных культурах и медиальных формах. Среди признанных классиков современности, испытавших влияние Бернхарда, – писатели Г. Йонке, Э. Елинек, В.Г. Зебальд, О. Памук, театральный режиссер К. Люпа и др. Есть в справочнике и раздел, посвященный рецепции – театральной, переводческой, научной – в России, написанный А.В. Белобратовым – авторитетным исследователем и переводчиком австрийской литературы, куратором проектов, посвященных ее продвижению в русскоязычном пространстве [Huber, Mittermayer: 509–511]. В России ситуация с освоением и адаптацией поэтики Бернхарда обстоит довольно хорошо (хотя, несомненно, по-прежнему есть что переводить, изучать и ставить в театре): переведен ряд лучших романов («Автобиография», «Стужа» «Пропавший», «Старые

мастера») и пьес, некоторые эссе и рассказы, поставлены яркие спектакли («Минетти», «Лицедей»), к моменту издания книги насчитывалось около 60 научных статей [Huber, Mittermayer: 509–511]¹.

Закрывает книгу рубрика, посвященная литературным и интермедийным адаптациям, в том числе пародийным («Bernhard-Parodien»). Их история начинается еще при жизни австрийского эксцентрика пародией журналиста Карла Войсетшлегера («Die Zeit», 1979), затем, через год после смерти писателя, выходит целый сборник, состоящий из 70 пародий, созданных немецкоязычными авторами и объединенных комичным заголовком «Der Bernhardiner. Ein wilder Hund. Tomaten, Satiren und Parodien über Thomas Bernhard» («Бернардинец. Дикий пес. Томаты, сатиры и пародии на Томаса Бернхарда» (1990)). Наделенный своеобразием, гиперболизирующий приемы, стиль Бернхарда, бесспорно, располагает к искусству пародии, как, впрочем, и особая одержимость писателя отдельными темами и образами (болезнь, мир как театр, «человек духа», неудачник и др.) [Huber, Mittermayer: 520–521].

В продолжение темы «Бернхард и Россия» можно добавить, что один из упомянутых в данной главе справочника пастишей – ро-

ман Александра Шиммельбуша «Die Murau Identität» (2014) («Идентичность Мурау») – хотя не переведен с немецкого, но уже исследовался в отечественной германистике [Новикова], а не упомянутый, но между тем блестящий роман польского писателя Яцека Денеля «Кривоклят, или Ein österreichisches Kunstidyll» (2016), представляющий трагестированную историю «старых мастеров» с маньяком в роли заглавного героя, близкого интеллектуалам-иконоборцам Бернхарда, переведен на русский язык и издан в 2020 г. [Денель].

Книга Петера Фабиана «**Ein Leben an der Seite von Thomas Bernhard. Ein Rapport**» (2021) («Жизнь бок о бок с Томасом Бернхардом. Отчет») словно следует за жестом Бернхарда, некогда воплотившимся в констелляции *художник-эксцентрик vs. наблюдающий за ним медик*: именно так была выстроена субъектная структура романа «Стужа» («Frost»), принесшего молодому писателю славу, и именно «отчет» – сбиваясь на экзистенциальный дневник – составлял медик-стажер, общаясь с удалившимся от мира художником Штраухом. (Как признается П. Фабиан, занятия медициной, естественными науками лишили его на долгое время «способности мечтать» [Fabjan: 115]). Теперь

¹ Их число за последние годы возросло; автором данного обзора в 2018 г. опубликована монография «Томас Бернхард и модернистский метароман» [Котелевская].

медик (Фабиан – врач, в буквальном смысле «наблюдавший» в последние годы своего больного брата со всей тщательностью и заботой) пишет о небезразличном ему человеке – о том, кого он причисляет к «аутсайдерам», ответственным как за катастрофы, так и за взлеты культуры [Fabjan: 13]; о том, кого, будучи 16-летним подростком, запечатлел на одном из рисунков «дикарем», несущим угрозу, в то время как себя рядом с ним – «мертвым кубиком с руками и ногами» [Fabjan: 12]; о том, кто навсегда сохранил замашки вредного и капризного ребенка и чувствовал себя беззащитным, боялся быть брошенным, постоянно словно упреждал нападение, вампирически питался слабостью преданных ему людей, а благодетелей «изничтожал»; о том, кто своей силой сделал жесточайшую самодисциплину в искусстве [Fabjan: 15–18]. Петер не может забыть фразы, брошенной ему уже неизлечимо больным, беспомощным Томасом: «Иоганн в “Изничтожении” – это ты!» [Fabjan: 17]. Речь идет о романе-завещании Бернхарда “Auslöschung. Ein Zerfall” («Изничтожение. Распад» (1986)), в котором герой-рассказчик Франц-Иосиф Мурау, пожилой писатель, наконец осмысляет все, что связано с его кровной семьей, отделяется от нее, прощается с ней символически и физически: брат Иоганн и мать погибают в автокатастрофе, он едет на похороны... Одна из центральных сцен романа – полное ярости созерцание героем семейной фотографии.

Символично то, что Петер Фабиан посвящает свои мемуары матери, той самой Герте Фабиан, фамилию которой переврал журналист в газетном некрологе, назвав ее *Павиан*, чем вызвал судорожный горький смех у подростка, оплакивающего мать. Этот эпизод, вошедший в автофикциональную пенталогию Бернхарда (он и есть тот подросток), в роман «Холод. Изоляция», действительно произошел в реальности (о нем сообщает Фабиан в своей книге на с. 31–32). Комплекс любви-ненависти, испытываемый Бернхардом к своей семье, в разных красках и эпизодах воссоздается в мемуарах Фабиана.

Однако не следует ожидать от этой книги, что она будет своеобразным расчетом, разбирательством со знаменитым братом: несмотря на ряд откровенных реплик, в которых проступает то недоумение, то некоторая обида, книга пронизана состраданием к одинокому, обреченному постоянно бороться с навязчивыми страхами гениальному писателю, пониманием масштаба этой неординарной личности. Кроме того, основной материал воспоминаний составляют отнюдь не экзистенциальные откровения, а скрупулезно собранные, выстроенные в ряд, снабженные фотографиями и справочной информацией факты о себе, своих родителях (Герте и Эмиле Фабиане), бабушке и дедушке по отцовской и материнской линии, о родном отце Томаса Алоизе Цукерштеттере, о страхах, о брате Томасе, о его литературном,

артистическом окружении, людях, с которыми свела того жизнь (издателей, архитекторов, художников, просто друзей, агентах по недвижимости и т. д.) и которых Фабиан тоже близко знал¹. Чтение этих обстоятельных, осторожных в оценках наблюдений позволяет увидеть персонажей, населявших воображение Бернхарда и, в искаженных воображением образах, его произведения, с *другой* стороны – стороны его брата, без провокации, боли, вызова. Фактографическая подача наделяет книгу духом достоверности, строгости, создавая своего рода закулисы горячей писательской фантазии. Возникает интересный эффект: словно безмолвные прототипы персонажей обретают наконец голос, тело, биографию, ставшую впоследствии «материалом» для искусства Бернхарда. Многие факты никак не сходятся с преобразенными (искаженными) фантазией персонажами, иные же вызывают эффект узнавания и удивления одновременно²: насколько тесно оказываются связанными подчас бессюжетные произведения писателя с действительно происходившим, с деталями и предметами быта, как семейного, так и «литературного». Оказывается, и у лишенного голоса сводного брата есть воспоми-

нания, есть своя «автобиография», которая вступает в своеобразный дуэт с пенталогией Бернхарда: здесь и расплющенные на рельсах монеты, подложенные мальчишками, и бомбежки Зальцбурга, и покупка пива для бабушки в соседнем кабаке, и баварский акцент, который высмеивают в зальцбургской школе, и чтение Рабле и Лермонтова... В некоторых местах оставшийся в тени персонаж пытается сказать, что ему понятны, близки состояния старшего брата. Так, рассказывая о своих походах в горы, о дальних прогулках, он заверяет:

«У меня тоже были свои прогулки-в-такт-мысли [Gehen und Denken], как и у Томаса. Внутреннее созерцание, внутренняя работа, которая по-прежнему находит у меня выражение в потоке речи, у Томаса, как считал французский актер Мишель Буке, словно взорвались изнутри, став в конце концов искусством, особой стратегией выживания» [Fabjan: 102].

Воспоминания Фабиана, касающиеся 1980-х гг., уже полны наблюдений над ухудшающимся состоянием брата. В конце, после описания похорон Бернхарда, он добавляет историю болезни, а также короткие записи

¹ Им посвящена серия коротких очерков, иногда на половину или треть страницы.

² Так, хождение под парусом на лодке Петера вместе с Паулем Витгенштейном, испорченное ветром и в целом не удавшееся («фиаско»), под пером Бернхарда превращается в блестящую водную прогулку [Fabjan: 139]: речь идет о романе «Племянник Витгенштейна».

собственных мыслей и отдельных реплик брата [Fabjan: 169–177], что представляет ценный материал, учитывая скупость самого Бернхарда на документальные откровения. В почти флюберовском – если вспомнить Шарля из «Мадам Бовари» – духе врач, наследник своего брата-писателя, завершает мемуары краткой описью имущества (включая три дома), этапами вступления в наследство и распоряжения архивом Бернхарда (последний из фактов – оцифровка архива). Возможно, Томасу Бернхарду повезло, что его душеприказчиком стал порядочный бюргер. Собственную хронологию жизни всего на одну страничку Фабиан размещает в самом конце книги: после него следует лишь перечень «благодарностей».

В заключение добавим несколько слов о биографическом тексте совершенно иного жанра, этоса и пафоса. Речь идет о «неправильной» биографии, написанной – или нарисованной – Николасом Малером, уже прославившимся в Австрии и Германии как создатель графических романов на сюжеты произведений Бернхарда (и не только): им созданы комикс-адаптации романа “Alte Meister” (2011) («Старые мастера») и пьесы “Der Weltverbesser” (2014) («Спаситель человечества», в переводе М. Рудницкого).

Книга Малера “**Thomas Bernhard. Die unkorrekte Biografie**” (2021) представляет

собой образец пародийной литературной агиографии – краткий очерк «жизни и творчества» дан здесь в серии уже канонизированных эпизодов и цитат, взятых в основном из «автобиографического» пятитомного романа¹, перекочевавших – как правило, проверенных и удостоверенных в серьезных биографиях, вышедших из-под пера Х. Хёллера, М. Миттермайера и др. – и моментально узнаваемых исследователем или осведомленным читателем. Даже параллельное чтение записок врача Фабиана позволяет выявить дюжину таких деталей. Как видится, Малеру удалось создать стиль, «конгениальный» травестированному святому – гротескный, карикатурный, местами с контрастным монтажом горестных и фарсовых ситуаций и парадоксальных оценок. Карикатурным и одновременно трогательным выглядит созданный им портрет-шарж Томаса Бернхарда, следующего из картинку в картинку, запоминающегося своим непропорционально телу раздувшимся носом и марионеточной, карикатурной жестикуляцией и позами. Художник уловил также важное свойство пластического мира Бернхарда: это мир с бедным, эмблематичным, театрально-опрошенным колоритом. Малеру понадобился всего один цвет – голубой, который вступает в веселое содружество с черным, а также с «воздухом», которого очень много на каждой странице.

¹ В немецком бернхардоведении принято определять их как «повести».

Это, по всей видимости, черные чернила, небесная голубизна – и белизна бумаги. Рисунки создают эффект нарисованных пером и кистью (тушь + акварель).

Деформирующая стилистика шаржа позволяет тем не менее узнать в некоторых рисунках искаженные фотографии, кочующие из одного биографического нарратива о Бернхарде в другой (узнаваемы, например, фотографии маленького Томаса с дедушкой Фроймбихлером, фотографическая карточка отца Алоиза Цукерштеттера), местами график словно иллюстрирует ключевые сцены из произведений, соотнося их с известным – чаще всего скандальным – эпизодом биографии писателя (такой аллюзией выглядит, например, сцена с Бернхардом, сидящим в вольтеровском кресле – взята она из романа «Рубка леса. Возбуждение») [Mahler: 39]. С этим романом связана скандальная ситуация: Герхарт Ламперсберг, композитор, меценат и друг Бернхарда в юности, которому начинающий литератор посвятил первую книгу стихов¹, узнал себя и жену Майю в карикатурном образе супругов Ауэрсбергеров и подал на писателя в суд.

Показательна композиция страницы: как правило, срединное, центральное место отведено фигуре «Бернхарда» или другим персонажам – спутникам его жизни, иногда – предметам (гора, гроб, стол); вверху разме-

щен текст художника (биографический нарратив), а внизу – цитата из Бернхарда: из его интервью, художественных произведений, эссе. Цитаты выделены курсивом. В итоге по мере чтения складывается определенный алгоритм визуального и вербального «чтения»: работает знакомый по поэтике Бернхарда механизм схематизации, упрощения, для которого язык графики подходит лучше всего. Последняя страница биографии предельно символична: удален цвет, только пустующее пространство белого листа, и внизу – стол с печатной машинкой. Без писателя. Под рисунком – узнаваемая фраза из документальной «исповеди» Бернхарда «Три дня» (1970): «И большая ошибка, если писатель дописывает книгу до конца...» [Mahler: 114].

Особый пуант книги составляет неожиданный «список ошибок» по завершении текста: перед нами действительно «неправильная» биография, ведь она содержит ошибки [Mahler: 115–117]. Как бы следуя бернхардовскому этосу (бесконечно корректировать, править и править текст, который все равно никогда не станет совершенным, – этому занятию, возведенному в ранг экзистенциально-художественного опыта, посвящен роман «Корректур»), Малер выявляет те сознательные или сделанные Бернхардом по неведению, а также по произволу поэтической фантазии, искажения фактов, которые,

¹ «Auf der Erde und in der Hölle» (1957) («На земле и в аду»).

собственно, и превращают «текст» жизни в художественный текст. Эта игра в реальность и вымысел, а в идеологемах Бернхарда – в правду и ложь¹ – словно приближают читателей к бернхардовскому стилю, его пониманию литературы как своего рода апории, в которой Ахиллес никогда не догонит черепаху: жизнь никогда не сольется с искусством, а биографическая книга о писателе никогда не скажет всей «правды» о нем.

Итак, все рассмотренные книги, начиная с академического справочника, систематизировавшего результаты полувековых исследований творчества писателя, и заканчивая комиксом, предлагающим биографию-шарж литературного «святого», подтверждают факт канонизации *enfant terrible* немецкоязычной литературы и свидетельствуют о включении поэтики Бернхарда в систему мирового литературного процесса, включая пространство массовой литературы.

Литература

Денель, Я. Кривоклят, или Ein österreichisches Kunstidyll / пер. с польск. Ю. Чайникова. СПб.: Jaromír Hladík press, 2020.

Котелевская, В.В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018.

Новикова, С.Ю. Продолжающееся «бернхардизирование»: роман А. Шиммельбуша «Идентичность Мурау» (“Die Murau Identität”, 2014) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. Т. 4 (4). С. 84–98.

Bernhard, T. (2003–2015). *Werke*. In 22 Bänden. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Fabjan, P. (2021). *Ein Leben an der Seite von Thomas Bernhard. Ein Rapport*. Berlin: Suhrkamp.

Huber, M., & Mittermayer, M. (Eds.). (2018). *Bernhard-Handbuch: Leben, Werk und Wirkung*. Stuttgart: J.B. Metzler.

Mahler, N. (2021). *Thomas Bernhard. Die unkorrekte Biografie*. Berlin: Suhrkamp.

Mittermayer, M. (2015). *Thomas Bernhard. Eine Biografie*. Wien, Salzburg: Residenz.

References

Bernhard, T. (2003–2015). *Werke*. In 22 Bänden [Works. In 22 volumes]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Dehnel, J. (2020). *Krivoklyat, ili Ein österreichisches Kunstidyll* [Krivoklyat or an Austrian art-idyll] (Yu. Chainikov, Trans.). St. Petersburg: Jaromír Hladík press.

Fabjan, P. (2021). *Ein Leben an der Seite von Thomas Bernhard. Ein Rapport* [A life at Thomas Bernhard's side. A rapport]. Berlin: Suhrkamp.

¹ Именно на эту антиномию указывает бернхардовский эпиграф в книге Малера.

Huber, M., & Mittermayer, M. (Eds.). (2018). *Bernhard-Handbuch: Leben, Werk und Wirkung* [Bernhard handbook: life, work, and influence]. Stuttgart: J.B. Metzler.

Kotelevskaya, V.V. (2018). *Thomas Bernhard i modernistskii metaroman* [Thomas Bernhard and modernist metafiction]. Rostov on Don, Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta.

Mahler, N. (2021). *Thomas Bernhard. Die unkorrekte Biografie* [Thomas Bernhard. The incorrect biography]. Berlin: Suhrkamp.

Mittermayer, M. (2015). *Thomas Bernhard. Eine Biografie* [Thomas Bernhard. A biography]. Wien, Salzburg: Residenz.

Novikova, N.Yu. (2019). Prodolzhayushcheesya "bernkhardizirovanie": roman A. Shimmel'busha "Identichnost' Murau" ("Die Murau Identität", 2014) [The ongoing "bernhardisation": A. Schimmelbusch's novel "Murau Identity"]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices & interpretations: a journal of philology, teaching and cultural studies], 4 (4), 84–98.

NEW BOOKS ON THOMAS BERNHARD

Vera V. Kotelevskaya, PhD, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: vvkotelevskaya@sfnu.ru.

Abstract. The paper is a review of three books on the Austrian writer Thomas Bernhard (1931–1989), Georg Büchner Prize and Medici Prize winner, one of the most provocative 20th century “classic” writers. The year 2021 is marked with his 90th birthday. Three German biographies of Bernhard, different in genre, evaluative approach, and media form, are of special interest. They are the encyclopedic guide “Thomas Bernhard: Life, work, and influence” (2018), the memoirs of his half-brother (physician) and a heir P. Fabian “A life at Thomas Bernhard’s side. A report” (2021), and the graphic novel biography of the Austrian designer N. Mahler, “Thomas Bernhard: The incorrect biography” (2021). These books, from the guide that systemizes the results of many years of research on the writer, to the comics that offers a travesty biography of a “saint” of a literary world, confirm the canonization of the German literature enfant terrible and demonstrate the inclusion of Bernhard’s poetics in the world literary process, including the sphere of mass literature.

Key words: German literature, 20th-century Austrian literature, writer’s biography, memoirs, comics, Thomas Bernhard, Peter Fabjan, Nicolas Mahler.

